
Как люди, умирают дневники.
Воспоминания мёртвые послушай.
Чуть слышно, но бывшее просит душу,
И та по-птичьи кормится с руки.

Когда-то, вспомни, жизнь была рекой
В тени простого маленького сада.
Твоя улыбка, и коса – ограда –
Плетёною чернеет полосой.

И чайные печальные глаза.
На фотографии мы будто в тёплой чашке.
Я в полосатом платице-рубашке,
А где-то в листьях прячется оса.

Живые краски мёртвой красотой
У времени за пазухой застыли.
Боюсь произнести... Скажи, мы были
В саду с тобой?

Невеста

Мама ты помнишь магазин свадебных платьев
В здании дворца бракосочетания на набережной
Недалеко от нашего дома ты помнишь мама

Белые-белые платья и всё из пластмассы
Бусины туплюли цветочки так странно
Все из пластмассы
Было ли так или так казалось
Может ты помнишь мама

Красные будто бы стены
И точно бархатный пол
Красный бархатный пол
Белые платья
Из белой пластмассы ты помнишь мама

Я забегала в примерочную
Я устремлялась вниз
Я обшаривала углы
И все это в поисках бусин
Разных пластмассовых бусин ты помнишь мама
Больших и поменьше ты помнишь мама
Разных пластмассовых бусин

И запах
Совсем невозможный такого по-моему больше и нет на
земле
Только наверное ты можешь вспомнить ты помнишь мама

Что это было когда и где
В здании белом дворца
Нашего дома на набережной
Помнишь мама

Я – свадебное платье.

Едоки картофеля

Мой друг меня на полке не нашёл.
Я ем картофель. Это хорошо.
Мои спокойны руки и живот.
Красива тень на фото. Стрелок счёт.

Читаю сообщение в тиши:
Мол, «sorry, ты со мною не дружи.
ко мне придут и пол немыт давно,
не выплусь... в общем, не идём в кино».

Прочитано. Я в спальню ухожу.
Расстанемся, хоть я и не спешу.
Иду на кухню. Продолжаю счёт.
Я ем картофель.
Это
Всё
Пройдёт.

dailydream

мне снилась тварь бумажная
в камерке из парчи
открыла рот и пальцами
шевелит и молчит

в углу на низкой коечке
пугливый человек
трясётся и не слышит он
что рот её изрек

тварь улыбнулась вылезши
Полонием из стен
и некому и некому
никак её ничем

глаза в бумаге дырами
хихикают черно
свет силится едва-едва
в убогое окно

будет после гибели вся Земля тиха...
Канаев

Глухие бессонные крики
Ныряют в тугую луну.
Я слышу их явную тьму,
Их тайны, изгибы и стыки.

И то ли мертвец, то ли муж,
Немое дитя испитое,
Кричит, ощущая чужое
В едином молчании душ.

— *Неужели так плох?*
неужели тогда
в те минуты, которые канут
вместе с нами глубоко, замрут города
и трамваи порожние встанут,

и увидят в них стекла одну пустоту,
и нетронутые молоточки
будут рядом висеть, и тогда я войду,
чуть качаясь, как жук на листочке.

неужели опять? неужели нельзя
оборвать круговое движенье?
тихо... сяду назад и закрою глаза,
побеждая головокруженье.

каждый сам за себя
но мы закрываем глаза
и тихо держимся за руки
улыбаемся в темноте

в фильме меланхолия Кирстен Данст
молодая прекрасная Кирстен Данст
и ещё другие герои почему-то их я совсем не помню
сделали домик закрыли глаза
и достойно встретили смерть
они тихо держались за руки

единственный смысл существования
живых существ на земле
это смерть живых существ

до после всё это не важно
живи жизнь
и в конце умри

но если все же получится
то попробуй держать за руку
того
кто окажется рядом
или себя самого

Осень

Осень в белых пятнах,
В тусклых каплях лето.
В пряди Бодхисаттвы
Жизнь одета. Это

Просто паутина.
И жалеть не надо
Ни улыбки мимо,

Ни глухого взгляда.

Жаль, по сути, только
Просто разговора.
Холодно и горько.
Немота и ссора.

Но забудем. Внятно
Помолчим и скажем:
«Осень в белых пятнах.
Видишь? Странно даже».

Минута

мёртвым поэтам

минута зла
история прыжка
молчать нельзя сказать невыносимо
неясный змей, обманчивая сила
тянула вас мгновеньем высоты
шептала вам, что жизнь страшнее смерти,
немой реки
могильной пустоты

но вас мои космические дети
отцы моей трагической среды
я слышу в шуме пенистой воды
из крана бьющей больно и натужно
я каждой каплей слышу что вам нужно

а пузырьки талдычат –
н е с п а с т и

минуту пролететь
проплыть
уйти.